

Фонтени Жорж. Манифест Либертарного Коммунизма

1953, источник: [здесь](#).

ЛИБЕРТАРНЫЙ КОММУНИЗМ, КАК СОЦИАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

В 19 веке, когда развивался капитализм и происходили первые великие сражения рабочего класса - это было в рамках Первого Интернационала (1861 - 1871) - появилась доктрина 'революционного социализма' (в противоположность реформистскому или государственно-правовому социализму). Он был также известен под названием 'анти-авторитарного социализма' или 'коллективизма', а позднее как 'анархизм', 'анархо-коммунизм' или 'либертарный коммунизм'.

Эта доктрина, или теория, является реакцией организованных социалистических трудящихся. Она всегда была связана со всевозрастающей классово́й борьбой. Это исторический продукт, берущий начало в определённых исторических условиях, в развитии классовых обществ - а не в идеалистической критике нескольких отдельных философов.

Роль основателей доктрины, в основном Бакунина, заключалась в выражении истинных чаяний масс, их реакции и их опыта, а не в искусственном создании теории, основывающейся на чисто идеалистическом абстрактном анализе ранних теорий. Бакунин - и вместе с ним Джеймс Гийом, а затем Кропоткин, Реклю, Дж.Грейв, Малатеста и т.д. - начали с рассмотрения ситуации с рабочими ассоциациями и крестьянскими органами, того как они организованы и как борются.

Не подлежит обсуждению то, что анархизм возник из классово́й борьбы.

Почему же тогда об анархизме часто думают как о философии, морали или этике, независимой от классово́й борьбы, как о форме гуманизма, отвлечённой от исторических и социальных условий?

Для этого мы видим несколько причин. С одной стороны, первые анархистские теоретики доверяли мнениям писателей, экономистов и историков, предшествовавших им (особенно Прудон, многие сочинения которого несомненно выражают анархистские идеи).

Теоретики, которые следовали за ними, находили иногда даже в таких писателях, как Лабети, Спенсер, Годвин, Штирнер, и т.п. идеи, аналогичные анархизму – в том смысле, что они демонстрируют оппозицию формам эксплуататорских обществ и принципам доминирования, которые те обнаружили в них. Но теории Годвина, Штирнера, Таккера и остальных являются простыми наблюдениями за обществом – они не принимают в расчёт Историю и те силы, которые её определяют, или объективные условия, которые ставят перед нами проблему Революции.

С другой стороны, во всех обществах, основанных на эксплуатации и доминировании всегда происходили индивидуальные и коллективные бунты, иногда коммунистического, федералистского или истинно демократического содержания. В результате, иногда анархизм рассматривается, как выражение вечной борьбы народов за свободу и справедливость – смутная идея, недостаточно укоренившаяся в социологии и истории, превращающая анархизм в некое подобие гуманизма, основанного на абстрактных понятиях 'гуманности' и 'свободы'. Буржуазные историки рабочего движения всегда готовы смешать анархо-коммунизм с индивидуалистическими и идеалистическими теориями, и в большой мере ответственны за неразбериху. Это они пытались объединить Штирнера с Бакуниным.

Забывая условия рождения анархизма, его иногда превращают в нечто вроде ультралиберализма, утрачивая при этом его материалистический, исторический и революционный характер.

Но в любом случае, даже если восстания, предшествовавшие 19 веку и идеи определённых мыслителей об отношениях между отдельными индивидами и группами людей действительно проложили дорогу анархизму, до Бакунина не было ни анархизма, ни его доктрины.

Работы Годвина например очень хорошо выражают существование классового общества, хоть и в идеалистической и нечёткой манере. И отчуждение личности в группе, семье, религии, государстве, морали, и т.д. конечно имеет социальную основу, и является выражением общества, разделённого на касты или классы.

Можно сказать, что взгляды, идеи и поведение людей, которых мы можем назвать бунтарями, нон-конформистами, или анархистами в туманном смысле слова существовали всегда.

Однако последовательная формулировка анархо-коммунистической теории датируется концом 19 века и продолжается каждый день, совершенствуясь и становясь более точной.

Поэтому анархизм не может быть сведён к философии или абстрактной или индивидуалистической этике.

Он родился в обществе и ждал определённого исторического периода и определённого этапа классового противостояния, чтобы ясно проявить анархо-коммунистические чаяния, как явление и довести бунт до последовательной и завершённой революционной концепции.

Поскольку анархизм не является абстрактной философией или этикой, он не может иметь ничего общего с абстрактной личностью, с личностью вообще. Для анархизма не существует просто человек: есть угнетённая личность из ограбленных классов и личность из привилегированных групп, из правящего класса. Говорить о личности означает впасть в ошибку или софизм либералов, которые говорят о 'гражданине', не принимая во внимание экономических и социальных условий граждан. Говорить о личности вообще, обходя вниманием факт существования классов и классовой борьбы, довольствуясь пустыми риторическими разговорами о Свободе и Справедливости – в общем смысле и с заглавными буквами – значит позволять буржуазным философам, которые кажутся либералами, но фактически являются консерваторами или реакционерами просачиваться в анархизм, превращать его в туманный гуманизм, выхолащивать доктрину, организацию и борцов. Было время, и откровенно говоря это происходит до сих пор в отдельных группах из некоторых стран, когда анархизм деградировал в слезливость абсолютного пацифизма или во что-то вроде сентиментального христианства. На это необходимо было отреагировать, и теперь анархизм предпринимает атаку на старый мир с чем-то отличным от плюшевых мыслей.

Именно к ограбленным, к эксплуатируемым, к пролетариату, к рабочим и крестьянам обращается анархизм, как социальная доктрина и как революционный метод – потому что только эксплуатируемый класс, как социальная сила, может совершить революцию.

Подразумеваем ли мы под этим, что рабочий класс является классом-спасителем, что эксплуатируемые обладают пророческим ясновидением, всеми хорошими качествами без погрешностей? Это означало бы делать из рабочего идола, новое метафизическое понятие.

Но эксплуатируемый, отчуждённый, обманутый и обжуленный класс, пролетариат – взятый в широком смысле и созданный как из чётко определённого рабочего класса (состоящий из рабочих с определённой общей психологией, определённым образом жизни и мышления) и других наёмных работников вроде служащих; или иначе говоря из той массы индивидов, чьей единственной функцией является производство, а в политическом смысле исполнение приказов и которые поэтому отстранены от контроля – только этот класс может свергнуть власть и эксплуатацию благодаря своему экономическому и социальному положению. Только производители могут ввести рабочий контроль и чем бы была революция, если не переходом к контролю производителей?

Т.о. именно пролетарский класс является революционным классом в первую очередь, потому что революция, которую он может совершить является социальной, а не просто политической революцией – освобождая себя он освобождает всё человечество; уничтожая власть привилегированного класса, он уничтожает классы.

Разумеется, сегодня нет чётких границ между классами. Разделение проявляется во время различных эпизодов классовой борьбы. Не существует чётких границ, но есть два полюса – пролетариат и буржуазия (капиталисты, бюрократы и т.д.); средний класс разделяется в периоды кризиса и движется от одного полюса к другому; они не могут предоставить решение потому что у них нет ни революционных характеристик пролетариата, ни реального контроля над современным обществом как у буржуазии, как таковой. Во время

забастовок, например, можно видеть как техники (особенно специалисты, из исследовательских отделов например) присоединяются к рабочему классу в то время как другие (техники, занимающие более высокое положение и большинство начальников) отстраняется от рабочего класса, по крайней мере на время. Профсоюзная практика всегда зависела от метода проб и ошибок, от прагматизма, объединяя отдельные секторы в соответствии с ролью и профессией. В любом случае, именно профессия и отношение определяют класс больше чем зарплата.

Поэтому нет пролетариата. Есть его самая решительная, самая активная часть, рабочий класс по определению. Есть также нечто большее чем пролетариат, включающее другие социальные слои, которые нужно убедить действовать: это народная масса, включающая мелких крестьян, бедных ремесленников и т.д. в пролетариат.

Дело здесь касается не какого-то впадения в пролетарскую мистику, а должной оценки этого специфического факта: пролетариат, хотя он и медленно приобретает сознательность и несмотря на свои отступления и поражения, является настоящим реальным создателем Революции.

Бакунин: 'Следует понимать, что поскольку пролетарий, рабочий, простой труженик, является историческим представителем последней мировой системы рабства, его освобождение есть всеобщее освобождение, его триумф - окончательный триумф человечества...'

Разумеется бывает так, что люди принадлежащие к привилегированным социальным группам порывают со своим классом, его идеологией и преимуществами и приходят к анархизму. Их вклад значителен, но в каком-то смысле эти люди становятся пролетариями.

Опять же для Бакунина, социалистические революционеры, т.е. анархисты, обращаются к 'рабочим массам города и деревни, включая всех людей доброй воли из высших классов, которые решительно порвав со своим прошлым, безоговорочно присоединяются к ним и полностью принимают их программу.'

Но чего нельзя сказать, так это того, что анархизм обращается к абстрактной личности, к личности вообще, не принимая в расчёт его социальный статус.

Лишить анархизм его классового характера означало бы обречь его на бесформенность, на пустоту содержания, на то, что он станет непоследовательным философским времяпровождением, любопытством умного буржуа, объектом симпатии для людей, тоскующих по идеалу, предметом академического обсуждения.

Подведём итог: Анархизм это не философия личности или человека вообще.

Анархизм может быть философией или этикой, но в очень специфическом, очень конкретном смысле. Он является таковым, благодаря желаниям, которые он представляет, целям, к которым он стремится: как говорит Бакунин - 'триумф (пролетариев) - окончательный триумф человечества...'

Пролетарский, на классовой основе, он имеет только цели, которые универсально гуманны, если хотите, гуманистичны.

Лишь социалистическая доктрина, или точнее лишь истинный социализм или коммунизм, является единственной теорией и методом, способными добиться общества без каст и классов, равенства и свободы.

Социальный анархизм или анархо-коммунизм, или опять же либертарный коммунизм, является доктриной социальной революции, которая обращена к пролетариату, чьи желания, чью истинную идеологию она представляет – идеологию, которую пролетариат осознаёт, благодаря своему собственному опыту.

ПРОБЛЕМА ПРОГРАММЫ

Поскольку анархизм есть социальная доктрина, он познаётся через сложный анализ и группу предположений, которые определяют наши цели и задачи, иными словами, через программу. Именно эта программа составляет общую платформу для всех активистов анархистской Организации. Без этой платформы единственная возможная форма сотрудничества основывалась бы на смутных, сентиментальных и неразборчивых желаниях, при отсутствии какого-либо реального отсутствия взглядов. Под одним именем собирались бы различные и даже противостоящие друг другу идеи.

Возникает вопрос: может ли программа не быть синтезом, принимая во внимание то общее, что есть между людьми, разделяющими одни и те же идеалы, или точнее один и тот же ярлык? Это означало бы поиск искусственного единства, в котором для того, чтобы избежать конфликтов, нам придётся придерживаться незначительных на деле вещей: это будет общая, но практически пустая платформа. Этот эксперимент ставился множество раз и все эти 'синтезы' - союзы, коалиции, альянсы и взаимопонимания – давали лишь неэффективность и скорый возврат к конфликту: т.к. реальность ставила проблемы, на которые каждый предлагал разные или противоположные решения, возобновлялись старые баталии, и пустота, бесполезность общей псевдо-программы – которая могла быть только отказом от действий – становилась очевидной.

Кроме того, сама идея создания разномастной программы, путём поиска мелких точек соприкосновения, предполагает, что все имеющиеся точки зрения правильны, и что программа может возникнуть в абстрактном, в сознании людей.

Революционная программа, анархистская программа, не может быть создана несколькими людьми и быть навязанной массам. Должно произойти обратное: программа революционного авангарда, активного меньшинства, может быть только отражением – чётким и сильным, ясным и выраженным сознательно и просто – чаяний эксплуатируемых масс, призванных совершить революцию. Другими словами: класс, а не партия.

Программа должна быть определена изучением, проверкой и традициями поисков народных масс. Поэтому в разработке программы должен преобладать определённый эмпиризм,

избегающий догматизма и не подменяющий собой план, очерченный небольшой группой революционеров для действий и мыслей народа. В свою очередь, когда программа вынесена и донесена до масс, она может только повысить их сознательность. Наконец, программа, определённая таким образом может изменяться по мере прогресса в анализе ситуации и массовых тенденциях, и может быть сформулирована яснее и в более точных терминах.

Программа в таком виде больше не будет собранием второстепенных вопросов, которые объединяют - (или скорее не разъединяют) людей, мыслящих почти одинаково, но одним целым анализа и предложений, принимаемым только теми, кто верит в него и предпринимает шаги к её широкому претворению в жизнь.

Но, вы можете сказать, что эту платформу нужно будет разработать какому-нибудь лицу или группе. Само собой, но поскольку этот вопрос касается не какой-либо старой программы, а программы социального анархизма, единственными приемлемыми предложениями станут те, которые согласуются с интересами, желаниями, мышлением и революционными способностями эксплуатируемого класса. В таком случае можно говорить и о синтезе, вопрос больше не будет стоять о том, чтобы избавиться от важных вещей, которые вызывают разделение – дело теперь в сочетании новых общих текстовых положений, которые могут встречаться в наиболее существенной точке. Роль семинаров, ассамблей и конференций революционеров состоит в составлении программы, и основании Организации на основе этой программы.

Драматично то, что несколько организаций претендует на то, что являются истинными представителями рабочего класса – реформистские социалистические и авторитарные коммунистические организации наряду с анархистской Организацией. Только опыт сможет разрешить эту проблему, сможет положительно решить, кто прав.

Революция невозможна, если народная масса, которая совершит её, не соберётся на основе определённого идеологического единства, если они не будут действовать с единым сознанием. Это означает для нас, что массы, через свой собственный опыт найдут дорогу к либертарному коммунизму. Это означает также, что анархистская доктрина никогда не будет завершённой в том, что касается деталей её взглядов и применения, и, что она постоянно создаётся и совершенствуется в свете исторических событий.

Отдельные уроки, вроде парижской Коммуны, народной революции в России 1917 г., махновцы, победы в Испании, стачки, тот факт, что рабочий класс испытывает жёсткую реальность тотального или частичного государственного социализма (от СССР до национализаций и предательств западных политических партий) – из всего этого можно заключить, что анархистская программа, со всей своей открытостью для обновления, представляет собой тот путь, по которым массы придут к идеологическому согласию.

В данный момент, ограничимся кратким изложением этой программы так – общество без классов и без государства.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАССАМИ И РЕВОЛЮЦИОННЫМ АВАНГАРДОМ

Мы убедились, в отношении программы, что нашей общей идеей являются взаимоотношения между угнетённым классом и революционной Организацией, определённые программой (т.е. партией в истинном смысле слова). Но мы не можем сказать просто 'класс, потом партия' и остановиться на этом. Мы должны развивать эту идею, объяснить, какое нам необходимо активное меньшинство, революционный авангард без военного вождизма, диктатуры над массами. Другими словами, мы должны показать, что анархистская идея активного меньшинства ни в коем случае не подразумевает элитарность, олигархию или иерархию.

(I) Потребность в авангарде

Существует идея, что для любой революционной ситуации достаточно спонтанной массовой инициативы.

В истории действительно были отдельные примеры некоторых событий, которые можно считать спонтанными массовыми инициативами, и эти события обладают непреходящей ценностью, потому что показывают возможности и ресурсы, заключающиеся в массах. Но они вовсе не приводят нас к общей концепции спонтанности - это было бы фатализмом. Подобный миф ведёт к популистской демагогии и оправданию непринципиального бунтарства; он может быть реакционным и сводиться к политике «поживём-увидим» и компромиссам.

Этой идее противостоит чисто волюнтаристская идея авангардной организации, как единственного носителя революционной инициативы. Подобная идея ведёт к пессимистической оценке роли масс, к аристократическому презрению по отношению к их политической способности к скрытому ведению революционной деятельности и следовательно к поражению. Эта идея фактически содержит ростки бюрократической и государственной контрреволюции.

К спонтанной идее близка теория согласно которой массовые организации, профсоюзы например, не только самодостаточны, но и способны отвечать за всё. Эта идея, называющая себя аполитичной, является на деле экономизированной концепцией, которую часто определяют как 'чистый синдикализм'. Но мы хотели бы отметить, что если теория хочет оставаться в силе, тогда её сторонники должны воздержаться от формулирования какой-либо программы, какого-либо окончательного заключения. В ином случае, они будут составлять идеологическую Организацию, пусть в малой степени, или формировать лидерство, санкционирующее определённую ориентацию. Так что эта теория будет последовательной только если ограничится социально нейтральным пониманием общественных проблем, эмпиризмом.

В равной мере далёкие от спонтанности, эмпиризма и волюнтаризма мы делаем ударение на потребности в специальной революционной анархистской Организации, как сознательного и активного народного авангарда.

(II) Природа и роль революционного авангарда

Само собой, революционный авангард осуществляет ведущую и лидирующую роль по отношению к массовому движению. Для этого не требуются аргументы, т.к. какой ещё ролью могла бы обладать революционная Организация? Само её существование является подтверждением её лидирующей роли. Настоящим вопросом является способность к правильному пониманию этой роли и какое значение мы прилаём слову 'лидирующий'.

Революционная организация создаётся как правило, когда наиболее сознательные рабочие чувствуют необходимость в ней из-за неравномерного прогресса и неадекватной сплочённости масс. Необходимо чётко пояснить, что революционная Организация не должна устанавливать своей власти над массами. Её роль проводника должна заключаться в формулировке и выражении идеологических ориентиров, как организационных, так и тактических – специально выработанные ориентиры, адаптированные на основе опыта и желаний масс. Т.о. директивы Организации являются не приказами извне, а скорее отражением общенародных чаяний. Поскольку направляющая деятельность Организации не может быть принудительной, её можно проводить только пытаясь успешно донести её идеи, давая народным массам точное представление о её теоретических принципах и основных тактических линиях. Это борьба посредством идей и примеров.

Если не забывать о том, что программа революционной Организации, её путь и средства достижения целей, отражают опыт и чаяния масс – что организованный авангард в своей основе является зеркалом эксплуатируемого класса – становится ясно, что лидерство это не диктатура, а координация в ориентирах, что она напротив противопоставляет себя бюрократической манипуляции массами, военной дисциплине или бездумному послушанию.

Авангард должен поставить перед собой задачу развития прямой политической ответственности масс, он должен стремиться к повышению способности масс к самоорганизации. Поэтому концепция лидерства является естественной и развивает сознательность. Точно так же, лучше подготовленные, более зрелые революционеры внутри Организации выполняют роль наставника и проводника для других членов, так чтобы все имели возможность быть лучше информированными и бдительными в теории и практике и в свою очередь воодушевлять других.

Организованное меньшинство является авангардом большой армии и причиной его существования является эта армия – массы. Если активное меньшинство, авангард, отходит от масс, он не может выполнять свои функции и становится кликой или кланом.

В конечном итоге революционное меньшинство может быть только подручным угнетённых. Она обладает огромной ответственностью, но не привилегиями.

Другой чертой характера революционной организации является её постоянство: временами она является воплощением и выражением большинства, которое в свою очередь узнаёт себя в активном меньшинстве, но бывают также периоды отступления, когда революционное меньшинство – лишь одинокий парусник в штормовом море. Тогда оно должно держаться, чтобы вскоре завоевать обратно свою аудиторию – массы – как только обстоятельства станут снова благоприятными. Даже в изоляции, будучи отрезанными от своих корней, оно действует всегда в соответствии с народными чаяниями, придерживаясь своей программы, несмотря на все трудности.

Оно может даже предпринимать отдельные акции, направленные на пробуждение масс (акты насилия против определённых целей, восстания). Трудность в том, чтобы избежать отрыва от реальности и не стать сектой или авторитарной, военизированной верхушкой – избежать напрасной траты усилий, живя в мечтах или пытаясь действовать не будучи понятыми, движимыми народными массами или ведущими их за собой. Для того, чтобы предотвратить подобную деградацию, меньшинство должно поддерживать связь с жизнью угнетённых и их средой – оно должно обращать внимание на малейшие реакции, возмущения или достижения, изучать современное общество во всех деталях, его противоречия, слабости и возможности перемен. На своём пути, поскольку это меньшинство участвует во всех формах сопротивления и акций, которые могут варьироваться от требований до саботажа, от тайного сопротивления до открытого бунта, оно всегда имеет возможность направлять и развивать любые, даже самые малые волнения.

Стремясь поддерживать, или приобретать, общее широкое видение социальной обстановки и её развития, приспособлявая свою тактику к событиям дня, будучи всегда на страже – это меньшинство остаётся верным своей миссии и избегает риска пассивно тащиться за событиями, стать пустым зрелищем чуждым пролетариату и вне его, быть обойдённым им. Оно (меньшинство) не путает абстрактные концепции и схемы с истинными желаниями пролетариата. Оно держится своей программы, но приспособливает и исправляет её в свете текущих событий.

Каковы бы не были обстоятельства меньшинство не должно забывать, что его конечная цель – исчезновение, растворение в массах, когда те достигнут высшего уровня сознательности в деле достижения целей революции.

(III) В каких формах может революционный авангард выполнить свою роль

На практике есть два метода, которыми революционная Организация может воздействовать на массы: работа в существующих массовых организациях и работа по прямой пропаганде. Второй вид деятельности осуществляется через газеты и журналы, кампании требований и агитации, дебаты по культуре, акции солидарности, демонстрации, конференции и общественные собрания.

Эта работа, которую иногда можно выполнять через деятельность, организованную другими, первостепенна для обретения силы и обращения к определённым слоям

общественного мнения, которые иначе были бы недоступны. Она обладает огромным значением как на рабочих местах, так и в общине. Но эта работа не ставит проблему знания того, как 'направляющая деятельность' не должна стать 'диктатурой'.

От неё отличается работа в существующих массовых организациях. Но в первую очередь, что это за организации?

Как правило это организации экономического характера, основанные на социальной солидарности их членов, которые могут обладать широкими функциями - защита (сопротивление, взаимоподдержка), образование (обучение самоуправлению), нападение (требования на тактическом уровне, экспроприация на стратегическом) и администрация. Эти организации - профсоюзы, боевые комитеты рабочих и т.д. - даже если они берут на себя лишь одну из этих функций имеют возможность прямой работы с массами.

Наряду с экономическими структурами существует много народных групп, через которые специальная Организация может выйти на связь с массами. Таковыми могут быть, например, ассоциации культурного досуга и соцобеспечения, в которых Организация может найти энергию, совет и опыт. В них она может распространить своё влияние, пропагандируя свои ориентиры и борясь со всеми попытками государства и политиков завоевать гегемонию и контроль: защищая эти организации так, чтобы они могли сохранять свою природу и стать центрами самоуправления и революционной мобилизации, семена нового общества (поскольку элементы завтрашнего общества живут в сегодняшнем).

Во всех этих социальных и экономических массовых организациях влияние должно оказываться и усиливаться не через систему решений, привносимых извне, а через активное и скоординированное присутствие революционных анархистских борцов в них - на тех постах, которые они занимают, с обязанностями, соответствующими их способностям и отношению. Следует подчеркнуть однако, что революционеры не должны застревать на трудоёмких, но чисто административных должностях, которые не оставляют им ни времени, ни возможностей оказывать реальное влияние. Политические оппоненты часто таким путём превращают революционных борцов в пленников.

Эта работа по 'внедрению', как её называют некоторые, должна стремиться к преобразованию Организации из меньшинства в большинство - по крайней мере с точки зрения оказываемого влияния. Она также должна избегать любой монополизации, в результате которой массовая организация примет на себя все задачи - даже задачи специальной анархистской Организации - или наоборот отдаст лидерство в массовых ассоциациях только членам этой специальной Организации, оставляя в стороне все остальные мнения. Здесь следует отметить, что специальная Организация должна распространять и защищать не просто демократическую и федералистскую структуру и методы работы в массовых организациях, но также и открытую структуру - т.е., ту, которая способствует привлечению всех тех элементов, которые ещё не организованы, с тем, чтобы массовые организации могли завоевать новые социальные силы, представлять большее число людей и давать специальной Организации возможность более близкого контакта с народом.

ВНУТРЕННИЕ ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИЛИ ПАРТИИ

То, что мы сказали по поводу программы и роли авангарда и видов его деятельности, ясно указывает на то, как должен быть организован этот авангард. Как?

(1) Идеологическое единство

Не подлежит сомнению, что для того, чтобы действовать необходимы последовательные идеи. Противоречия и сомнения мешают идеям воплотиться в реальность. С другой стороны, 'синтез', или скорее конгломерат, плохо подобранных идей, которые сходятся только в том, что не имеет существенного значения, производит лишь беспорядок и уничтожает сам себя заключёнными в нём же противоречиями.

Точно так же, как причины проанализированной нами проблемы программы, так же как глубокие идеологические мотивы, касающиеся природы программы, существуют практические причины, требующие построения истинной анархистской Организации на основе идеологического единства.

Эта разделяемая всеми и уникальная идеология может быть продуктом синтеза – но только в смысле поиска той определённой формы, которая смогла бы выразить однородные в своей основе идеи с ключевым общим значением .

Идеологическое единство устанавливается программой, которую мы рассматривали ранее (и определим позже): программой либертарного коммунизма, выражающей основные желания эксплуатируемых масс.

Опять же, мы должны подчеркнуть, что анархистская Организация не является союзом отдельных лиц на контрактной основе, отражающим их собственные искусственные идеологические убеждения. Она закладывает фундамент и разрабатывает органичный, естественный путь в соответствии с реальными потребностями. Её развитие происходит на основе определённых идей, которые не должны подбираться случайно и игнорировать исконные желания эксплуатируемых. Поэтому Организация строится на классовой основе, хотя она и принимает в свои ряды выходцев из привилегированных классов, по какой-либо причине отверженных этими классами.

(2) Тактическое единство, коллективный способ действий

Взяв программу за основу, Организация разрабатывает общее тактическое направление. Это позволяет ей использовать структурные преимущества: продолжительность и постоянство в работе, способности и силу одних, возмещающие слабость других, концентрацию усилий, экономию энергии, способность реагировать на все возникающие

потребности и обстоятельства наиболее эффективным образом.

Тактическое единство предохраняет от разброда во всех направлениях, освобождает движение от разрушительных эффектов одновременного действия нескольких противоречивых тактик.

Здесь мы стоим перед проблемой выработки тактики. В том, что касается идеологии – основной программы, или принципов – проблем нет: все участники Организации признают её. Если есть какие-либо расхождения во мнениях по ключевым вопросам, происходит раскол или новый участник Организации принимает эти основные принципы, которые можно изменять только с единодушного согласия или ценой отделения.

Совсем иначе обстоит дело с тактикой. Можно добиваться единодушия, но только до того момента, когда ради единодушия все должны будут соглашаться, ничего не решая, что превратило бы Организацию в пустую оболочку без содержания (и бесполезную, т.к. целью организации является как раз координация всех сил для достижения определённой цели). Поэтому, когда выдвигаются все аргументы по различным предложениям, когда дискуссия не может продолжаться дальше с пользой для общего дела, когда мнения сходятся в основном, но остаётся непреодолимое противостояние между предполагаемыми тактиками, тогда Организация должна найти выход. Для этого есть четыре возможности :

(a) Ничего не решать, отказаться от действий, и тогда существование Организации теряет всякий смысл.

(b) Смириться с тактическими разногласиями и оставить каждого на своём. Организация может пойти на это в определённых случаях, не имеющих решительного значения.

(c) Вынести решение через Организацию путём голосования, которое установит мнение большинства, причём меньшинство должно будет отказаться от своих идей в разрезе общественной деятельности, но будет иметь право развивать свою точку зрения внутри Организации – исходя из того, что если его мнения согласуются с действительностью лучше, чем взгляды большинства, сама жизнь отдаст им предпочтение. Иногда в данной процедуре отсутствует объективность, и количество голосов не означает истину, но это единственный возможный метод. Он ни в коей мере не является принудительным, поскольку применяется только потому, что члены Организации принимают его как правило, а меньшинство как необходимость, которая позволяет опробовать их тактические предложения.

(d) Когда не может быть достигнуто согласие между большинством и меньшинством по важнейшим вопросам, по которым Организация должна занять определённую позицию, тогда, естественно и неизбежно происходит раскол. Во всех случаях целью является тактическое единство и если не делается попыток достичь его, тогда все конференции будут неэффективными и тщетными конфронтациями. Вот почему первый из вариантов (a) – не решать ничего – следует отвергать во всех случаях, а второй (b) – допустить несколько разных тактик – может применяться только в крайних случаях. Конечно, только на тех встречах, где присутствует вся Организация (конференции, конгрессы и т.д.) может быть

принята тактическая линия.

(3) Коллективная ответственность и дисциплина

Как только принимается общая тактика (или общие ориентиры) возникает проблема их применения. Ясно, что если Организация принимает линию коллективных действий, то это для того, чтобы революционная деятельность каждого члена, каждой группы внутри Организации была в соответствии с этой линией. В тех случаях, когда большинство и меньшинство расходятся во мнениях, но согласны продолжать работать вместе, никто не преследуется, потому что все заранее согласились действовать в данном русле и приняли участие в разработке принятой 'линии'. Эта добровольно принятая дисциплина не имеет ничего общего с военной дисциплиной и пассивным подчинением приказам. Здесь отсутствует механизм принуждения навязывающий точку зрения, которая не была бы принята всей Организацией: есть только уважение к добровольно принятым обязательствам, со стороны меньшинства так же как и со стороны большинства.

Само собой, отдельные революционеры на различных уровнях Организации могут проявлять инициативу, но только если это не противоречит соглашениям и решениям, принятым соответствующими органами: т.е., если эти инициативы являются фактическим применением коллективных решений. Но когда определённые аспекты деятельности вовлекают в себя всю Организацию, каждый участник Организации должен поддерживать связь с её исполнительными органами.

Т.о., коллективное действие, а не личные решения отдельных революционеров.

Каждый член Организации принимает участие в её общей деятельности точно так же, как вся Организация несёт ответственность за революционную и политическую деятельность каждого из её членов, если они только не действуют в политической сфере самовольно.

(4) Федерализм или внутренняя демократия

В противоположность централизму, который является слепым подчинением масс центру, федерализм может допускать как централизацию там, где это необходимо, так и автономное принятие решений каждым членом Организации и их контроль за общей деятельностью. Члены Организации участвуют только в тех действиях, с которыми они согласны.

Когда федерализм объединяет группы на материальной основе, он зависит от их согласия и основа единства зачастую является слабой. Это относится к отдельным участкам профсоюзной деятельности. Но в революционной анархистской организации, где это вопрос программы, представляющей общие чаяния масс, основа объединения (принципы, программа) важнее любых разногласий и единство должно быть очень сильным: мы говорим не о пакте или контракте, а о функциональном, органическом, естественном единстве.

Но федерализм не следует понимать как право на персональные капризы, не считающиеся с принятыми на себя обязательствами перед Организацией. Это означает взаимопонимание

между отдельными участниками и группами с видом на совместную работу по достижению поставленных целей – но это взаимопонимание должно быть свободным, в рамках добровольного союза. Такое взаимопонимание подразумевает с одной стороны, что те, кто разделяет его полностью выполняют принятые на себя обязанности и согласны с коллективными решениями; с другой стороны это подразумевает, что координационные и исполнительные органы будут назначаться и контролироваться всей Организацией на её ассмблеях и и что их обязанности и прерогативы будут чётко установлены.

Т.о. анархистская Организация может существовать на следующих принципах:

- Идеологическое единство
- Тактическое единство
- Коллективная ответственность и дисциплина
- Федерализм

ПРОГРАММА ЛИБЕРТАРНОГО КОММУНИЗМА

Аспекты буржуазной власти – Капитализм и Государство

Прежде чем перейти к целям и решениям либертарного коммунизма, мы должны тщательно проанализировать своего врага.

Из истории человечества мы знаем, что с тех пор, как общество было разделено на классы (и особенно с момента деления общественного труда), социальные классы находятся в конфликте и между ними идёт постоянная борьба начиная с самых ранних требований и бунтов за лучшую жизнь и более справедливое общество.

Анархистский анализ считает современное общество, как и все предыдущие, не отдельной единицей – оно разделено на два совершенно различных лагеря, различных как по своему положению, так и по социальным функциям: пролетариат (в широком смысле слова) и буржуазию.

Вдобавок к этому присутствует факт классовой борьбы, чей характер может варьироваться – от сложного и незаметного, до открытого, стремительного и очевидного.

Эта борьба часто затушёвывается второстепенными стычками, конфликтами между группами одного и того же класса, сложными историческими событиями, которые на первый взгляд не имеют прямой связи с существованием классов и их соперничеством. В основном, хотя эта борьба всегда направлена на преобразование современного общества в общество, которое отвечало бы всем потребностям, желаниям и чувству справедливости угнетённых, а через него в бесклассовое общество, освобождающее всё человечество.

Структура любого общества всегда выражается в его законах, морали, культуре и соответствующем положении социальных классов – порабощённых и эксплуатируемых, и тех, кто владеет собственностью и властью. В современном обществе экономика, политика, закон, мораль и культура покоятся на существовании привилегий и монополии одного класса и насилия, организованного этим классом для поддержания своей власти..

Капитализм

Капиталистическую систему очень часто считают единственной формой эксплуататорского общества. Но капитализм – относительно новая экономическая и социальная форма и, разумеется, человеческое общество познало другие формы рабства и эксплуатации начиная с кланов, варварских империй, античных городов, феодализма, коммун эпохи Возрождения и т.д.

Движение теоретиков социализма проделало большую работу по анализу зарождения, развития и эволюции капитализма в начале 19-го века (Маркс и Энгельс систематизировали их, не более того), но этот анализ уделил очень мало внимания общему феномену угнетения одного класса другим и его происхождению.

Не имеет смысла вступать в дебаты, о том, что было первым – власть или собственность. Текущее состояние социологии не позволяет нам полностью решить этот вопрос, но кажется очевидным, что экономическая, политическая, религиозная и моральная власти были очень тесно взаимосвязаны с самого начала. В любом случае, роль политической власти не может сводиться к роли простого инструмента в руках мощных экономических сил. Т.о. анализ феномена капитализма не сопровождается адекватным анализом феномена государства, потому что люди концентрировались на очень ограниченном участке истории и только анархистские теоретики, особенно Бакунин и Кропоткин, пытались придать всё значение феномену, который слишком часто сводился к государству периода подъёма капитализма.

Сегодня эволюция капитализма, переходящего от классического капитализма к монополистическому, а затем к управляемому государственному капитализму, даёт начало новым социальным формам, которые больше не могут быть отражены сжатым анализом государства.

Что такое капитализм?

(а) Это общество противостоящих друг другу классов, в котором класс-эксплуататор владеет средствами производства и контролирует их.

(b) В капиталистическом обществе все товары – включая наёмную трудовую силу – продаются.

(с) Высшая любовь капитализма, мотив производства товаров, состоит не в потребностях народа, а в увеличении прибыли, т.е. избытка, производимого трудящимися, сверх того, что им абсолютно необходимо для поддержания жизни.

Избыток называется также добавленной стоимостью.

(d) За возрастанием продуктивности труда не следует повышение ценности капитала, который ограничен (недопотребление). Это противоречие, выраженное 'тенденцией к снижению уровня доходов', периодически создаёт кризисы, ведущие владельцев капитала ко всевозможным негативным последствиям: уменьшению производства, уничтожению продукта, безработице, войнам и т.д.

Эволюция капитализма:

(1) До-капиталистическая эра: с конца Средних веков в феодальной экономике развивается купеческая и банкирская буржуазия.

(2) Классический, Либеральный или Частный Капитализм: индивидуализм владельцев капитала, конкуренция и экспансия (после раннего накопления капитала, путём выселений, грабежа, разрушения крестьянского населения и т.д. капитализм, установившийся в Европе, стремится к завоеванию мира, огромных источников богатства и рынков, которые кажутся необъятными).

Буржуазные революции, избавляясь от феодальных ограничений, помогают развиться новой системе.

Основой существования капиталистической модели производства и превращения купеческой буржуазии 15-го, 16-го и 17-го вв. в индустриальную капиталистическую буржуазию была индустриализация и технический прогресс. Они продолжают развиваться.

В течение этого периода кризисы случаются нечасто и несерьёзны. Государство играет второстепенную роль по мере того, как конкуренция избавляется от слабых – это свободная игра системы. В технической сфере это время газа и угля; собственности, индивидуальных боссов, конкуренции и свободной торговли в экономике; парламентаризма в политике; тотальной эксплуатации и ужасающей нищеты наёмных трудящихся в социальной сфере.

(3) Монополистический капитализм или Империализм: возрастает производительность, но рынки сжимаются и не приносят прибыли. Происходит снижение прибыли с перенакопленного капитала.

Соглашения (тресты, картели, и т.д.) заменяют конкуренцию, совместные компании сменяют индивидуальных боссов, вмешивается протекционизм, экспорт товаров дополняется экспортом капитала, основную роль начинают играть финансовые кредиты, смешение банковского капитала с промышленным создаёт финансовый капитал который приручает государство и приводит к его вмешательству.

В технической сфере это время нефти и электричества; контрактов, протекционизма, перенакопления капитала и тенденции к снижению прибыли, кризисов в экономике; войн, империализма и роста Государства в политике. Война необходима для преодоления кризисов – разрушение высвобождает рынки. В социальной сфере: бедность рабочего класса, но общественное право ограничивает определённые аспекты эксплуатации.

(4) Госкапитализм: все характеристики предыдущей стадии акцентированы. Войны больше не способны преодолеть кризисы. Появляется потребность в постоянной военной экономике, которая инвестирует огромные суммы капитала в военную промышленность, не добавляя ничего к уже переполненному товарам рынку; определённая прибыль обеспечивается государственными положениями.

Этот период характеризуется захватом самых важных секторов экономики и рынка труда государством.

Государство становится капиталистом - клиентом, поставщиком и контролёром производства и рабочей силы - гарантируя себе всё возрастающий контроль над планированием, культурой и т.д.

Развивается бюрократия, на труд налагается дисциплина и регламенты.

Остаются эксплуатация и класс наёмных трудящихся, как и другие самые существенные черты капитализма, но с появлением социализирующих форм (регламент, соцобеспечение, пенсии), которые влекут за собой дальнейшее порабощение пролетариата.

У госкапитализма разные воплощения: германский национал-социализм, сталинистский национал-социализм, нарастающий государственный контроль в 'демократиях', проявляющийся в сравнительно ограниченных формах (из-за широких резервов добавленной стоимости в колониях). Политически и экономически этот период принимает тоталитарную форму.

Госкапитализм проявляет себя одновременно в политике, экономике и культуре: государственное финансирование, военная экономика, большие общественные работы, всеобщая трудовая повинность, концлагеря, насильственное переселение народов, идеологии, оправдывающие тоталитарный порядок (например, фальшивая версия марксистско-ленинской идеологии в СССР, расовая теория в гитлеровском национал-социализме, Древний Рим в фашизме Муссолини, и т.д.).

Государство

Если капитализм, несмотря на свои видоизменения, или адаптации, способствует своим постоянным чертам (добавленная стоимость, кризисы, конкуренция, и т.д.) ... государство нельзя больше считать просто общественной организацией подавления в руках правящего класса, агентом буржуазии, ментом капитализма.

Анализ разновидностей государства до периода подъёма капитализма и современных форм капитализма, приводит нас к видению государства, как чего-то более важного, чем просто инструмент. Средневековые, государства абсолютных монархий в Европе, государство фараонов и т.д.... существовали сами по себе, они формировали правящее государство - Класс.

Точно также государство на империалистической стадии капитализма, современное государство, обладает тенденцией к превращению из сверх-структуры в саму 'структуру'.

В буржуазных идеологиях государство является регулирующим органом современного общества. Это правда, но только благодаря композиции общества, являющегося поработением меньшинства большинством. Поэтому оно является организованным насилием буржуазии против трудящихся, инструментом правящего класса. Но помимо этого подсобного аспекта, оно имеет тенденцию к приобретению более функционального характера и становится само организованным правящим классом. Оно преодолевает конфликты между политическими и экономическими группировками. Оно объединяет силы, обладающие политической и экономической властью, различные секции буржуазии, в единый блок, либо для увеличения возможностей внутреннего подавления, либо для внешней экспансии своей власти. Оно движется к единству политики и экономики, распространяя свою гегемонию над всеми видами деятельности, интегрируясь в профсоюзы и т.д. ... превращая наёмного трудящегося в современного раба, абсолютно поработённого, но с минимумом гарантий (пособия, соцобеспечение, и т.д.). Оно больше не является инструментом, но властью в чистом виде.

Данную стадию, которая в потенциале существует во всех странах, даже в США, пытался претворить в жизнь нацизм и она была почти полностью достигнута в СССР, что ставит вопрос о том правильно ли в данном случае всё ещё говорить о капитализме: возможно данный уровень развития империалистической стадии капитализма следует рассматривать как новую форму эксплуататорского общества, нечто отличное от капитализма? Разница здесь будет качественной, а не количественной: это не будет больше вопросом уровня развития капитализма, но чего-то ещё, чего-то реально нового и иного. Но здесь всё зависит главным образом от оценки, от терминологии, которая может показаться незрелой на данный момент и не имеющей реального значения.

Для нас достаточно выразить форму эксплуатации и рабства, к которым идёт буржуазное общество следующим образом: государство как классовый аппарат и классовая организация, одновременно инструмент и функция, сверх-структура и структура, стремится к сосредоточению власти, всем формам доминирования буржуазии над пролетариатом.

Качества Либертарного Коммунизма

Мы попытались изложить по возможности ясно характеристики буржуазного общества, уничтожение которого является целью Революции вместе с созданием нового общества: анархистского коммунистического общества. Перед тем как перейти к нашим взглядам на Революцию мы должны привести основные черты этого Либертарного Коммунистического общества.

Коммунизм: От низшего до высшего или абсолютного коммунизма невозможно определить коммунистическое общество лучше, чем старая формула 'От каждого по способностям, каждому по потребностям.' В первую очередь она подтверждает полное подчинение экономики потребностям человека в изобилии товаров, уменьшении общественного труда и вкладе каждого в производство в соответствии с собственными силами и способностями.

Поэтому эта формула выражает возможность полного человеческого развития. Затем, формула подразумевает исчезновение классов и коллективную собственность и пользование средствами производства, поскольку только таким образом коммуны смогут проводить распределение согласно потребностей.

Но абсолютный коммунизм по формуле 'каждому по потребностям' подразумевает не только коллективную собственность (управление рабочих советов или 'синдикатов' или 'коммун'), но также и расширенный рост производства, фактическое изобилие. Теперь, наверняка по пришествии Революции условия не позволят сразу перейти к этой высшей стадии коммунизма: ситуация дефицита означает дальнейшее преобладание экономики над человеком, т.е. определённые ограничения. Тогда коммунизм будет означать не столько принцип 'каждому по потребностям', сколько равенство доходов и условий, что означает равные рацион и распределение монетарных запасов (ограниченной ценности и обладающих единственной функцией распределения тех продуктов, которые не являются настолько редкими, чтобы выдаваться по rationу, ни достаточно изобильными для 'самообслуживания') – эта система позволила бы потребителям самим решать, как тратить свой доход. Предполагается даже, что люди могут принять формулу 'каждому по труду', принимая во внимание отсталость определённых категорий мышления, привязанных к идеям иерархии – когда считают необходимой дифференцированную зарплату или преимущества вроде сокращённого рабочего дня для того, чтобы поднять производство в определённых 'низших' или не очень привлекательных сферах деятельности, или увеличить производственную активность рабочей силы. Но значимость этих различий будет минимальной и даже на низшей стадии (которую некоторые называют социализмом) коммунистическое общество будет стремиться к наибольшему возможному равенству условий.

Либертарный Коммунизм

Общество, в котором будут реализованы коллективная собственность и принципы равенства не сможет продолжать быть обществом экономической эксплуатации или новой формой классового правления. Оно будет отрицанием именно этих вещей.

Это верно даже для низшей стадии коммунизма, которая, даже при наличии определённой степени экономического принуждения, не оправдывает сохранения эксплуатации. Иначе, революцию, поскольку она всегда начинается с ситуации дефицита, следовало бы автоматически отвергать. Либертарная коммунистическая революция не реализует совершенное или высокоразвитое общество с самого начала, но в любом случае разрушает основы эксплуатации и доминирования. Именно в этом смысле Волин говорил о 'немедленной, но прогрессивной революции.'

Но остаётся ещё одна проблема: проблема государства, проблема того, какой тип политической, экономической и социальной организации у нас будет. Марксистско-ленинские школы, конечно, допускают исчезновение государства на высшей стадии коммунизма, но они считают государство необходимым на его низшей стадии.

Это т.н. 'рабочее' или 'пролетарское' государство должно быть организованным принуждением, необходимым из-за неадекватности экономического развития, недостаточного прогресса человеческих возможностей и – по крайней мере на начальном этапе – борьбы против остатков бывших правящих классов, побеждённых революцией, на освобождённой территории и вне её.

Каковы наши идеи об экономическом управлении в коммунистическом обществе?

Само собой, это должно быть рабочее управление, управление всего организма производителей. Теперь мы видим, что по мере того как эксплуататорское общество по возрастающей концентрировало власть, условиями эксплуатации становились частная собственность, рынок, конкуренция, и т.д....и т.о. экономическая эксплуатация, политическое принуждение и идеологические мистификации тесно переплетались, на основе власти и линией классового разделения между эксплуататорами и эксплуатируемыми становилось управление производством. В этих условиях, ключевой акт революции, упразднение эксплуатации, осуществляется под рабочим контролем и этот контроль представляет собой систему замены всех властей. Этим целый организм производителей, который управляет, организует, претворяет в жизнь самоуправление, истинную демократию, свободу в экономическом равенстве, упразднение привилегий и эксплуататорских меньшинств, в соответствии с экономическими нуждами и потребностью защиты революции. Предметное управление заменяет человеческое правительство.

Если при упразднении различий в экономической сфере между теми, кто отдаёт приказы и теми, кто их исполняет сохраняется это же различие в политической сфере, в форме диктатуры партии или меньшинства, это либо не продлится дольше пяти минут, либо создаст конфликт между производителями и политическими бюрократами. Поэтому рабочий контроль должен упразднить власть меньшинства, всепроявления государства. Это уже не вопрос лидирующего и доминирующего класса, но скорее менеджмента и администрации, в политике также как и в экономике, создания массовых экономических организаций, коммун, вооружённого народа. Это должна быть прямая народная власть, а не государство. Если кто-то и назовёт это сомнительным термином диктатуры пролетариата (мы ещё вернёмся к этому), но разумеется не имеет ничего общего с диктатурой партии или бюрократии. Это просто истинная революционная демократия.

Либертарный коммунизм и гуманизм

Так анархистский коммунизм, или либертарный коммунизм, добиваясь полного человеческого развития, абсолютно гуманного общества мужчин и женщин, открывает эру перманентного прогресса, постепенной трансформации, преобразований.

Так он создаёт целевой гуманизм, чья идеология берёт начало в классовом обществе, в развитии классовой борьбы, гуманизм, не имеющий ничего общего с фальшивыми теориями об абстрактном человеке, которые пытается навязать нам либеральная буржуазия в своём классовом обществе. Революция основывается на власти пролетарских масс, потому что освобождая эксплуатируемый класс, она освобождает всё человечество.

Революция: проблема власти, проблема государства Теперь, когда мы широко обрисовали формы, в которых выражается власть рабочего класса и привели основные характеристики либертарного коммунизма, нам остаётся подробно рассказать как мы видим ход Революции. Здесь мы подходим к самому важному аспекту анархизма, который наиболее явно отделяет его от других течений в социализме.

Что есть Революция?

Должна ли Революция, которая является переходом от классового общества к бесклассовому либертарному коммунистическому обществу, быть медленным процессом преобразования или восстанием?

Основы коммунистического общества заложены в эксплуататорском обществе; новые технические и экономические условия, новые взаимоотношения между классами, новые идеи, всё это приводит к конфликту со старыми учреждениями и приводит к кризису, который приводит к быстрому и чёткому решению. Это влечёт за собой преобразования, которые долго вызревали в старом обществе. Революция это момент рождения нового общества и гибели старого: госкапитализма и буржуазных идеологий. Это реальный и конкретный переход между двумя мирами. Поэтому революция может произойти только при объективных обстоятельствах: при окончательном кризисе классового режима.

Эта концепция не имеет ничего общего со старой романтической идеей восстания, сиюминутной перемены за один день без всякой подготовки. Она не имеет ничего общего и с постепенной, чисто эволюционной идеей реформистов, которые уверены в том, что революция это процесс.

Нашу концепцию революции, равно удаленную от повстанчества и от реформизма, можно описать как идею революционного акта, подготовленного долгим периодом из недр буржуазии захвата и управления народными организациями средств производства и обмена. Это должно быть результатом революционного акта, который проведёт чёткую демаркационную линию между старым обществом и новым.

Революция уничтожит политическую и экономическую власть буржуазии. Это означает, что революция не ограничится физическим свержением старого режима или остановкой правительственной машины, но ей удастся также уничтожить правовые учреждения государства: его законы и обычаи, иерархические методы и привилегии, традиции и культ Государства, как коллективной психологической реальности.

Переходный период

При всём этом какое значение мы можем придать распространённому выражению 'переходный период', которое так часто увязывают с идеей революции? Если это переход от классового общества к бесклассовому, тогда его путают с актом Революции. Если это переход от низшей стадии коммунизма к высшей, то выражение не точное, потому что вся пост-революционная эра будет медленным продолжительным процессом, преобразованием без общественных волнений, и коммунистическое общество будет продолжать развиваться.

Всё, что может быть здесь сказано, мы уже выяснили в связи с либертарным коммунизмом: акт Революции приводит к немедленному радикальному преобразованию основ общества, к прогрессивному преобразованию в том смысле, что коммунизм – это постоянное развитие.

На самом деле для социалистических партий и про-государственных коммунистов 'переходный период' представляет собой общество, порвавшее со старыми порядками, но сохраняющее некоторые элементы и пережитки государственной системы. Поэтому он является отрицанием истинной революции, поскольку сохраняет элементы эксплуататорской системы, с её тенденцией к усилению и расширению.

Диктатура пролетариата

Формула 'диктатура пролетариата' имеет много значений. Её следует отбросить хотя бы из-за той путаницы, которую он создаёт. В случае с Марксом она запросто могла означать диктатуру партии, претендующей на то, что представляет пролетариат, как в случае с Коммуной она может быть федералистской концепцией.

Может ли она означать осуществление политической власти победным рабочим классом? Нет, поскольку осуществление политической власти в общепотребительном смысле слова может происходить только посредством исключительной группы, обладающей монополией на власть, отделяющей себя от класса и угнетающей его. Именно так попытка использования государственного аппарата сводит диктатуру пролетариата к диктатуре партии над массами.

Но если под диктатурой пролетариата понимают коллективное и прямое осуществление 'политической власти', это будет означать исчезновение 'политической власти', поскольку её характерными чертами являются превосходство, исключительность и монополия. Это больше не вопрос захвата политической власти, это вопрос о полном её уничтожении!

Если диктатура означает доминирование меньшинства над большинством, тогда это вопрос передачи власти не пролетариату, а партии, отдельной политической группе. Если под диктатурой подразумевается доминирование большинства над меньшинством (доминирование победного пролетариата над остатками буржуазии, потерпевшей поражение, как класс) тогда установление диктатуры может означать только потребность большинства в эффективной защите посредством создания своей собственной социальной Организации.

Но в этом случае выражение не точно и вызывает непонимание. Если 'диктатура пролетариата' означает превосходство рабочего класса над другими эксплуатируемыми группами в обществе (мелкими бедными владельцами, ремесленниками, крестьянами и т.д.) тогда термин не соотносится с реальностью которой фактически нет ничего общего со взаимоотношениями между лидерами и их подчинёнными, что подразумевается под термином диктатура.

Говорить о 'диктатуре пролетариата' значит выражать механический обмен функциями между буржуазией и пролетариатом. Если буржуазный класс стремится путём власти

сохранять свой классовый характер, отождествлять себя с государством и отделяться от общества, как от целого, это не идентично подчинённому классу, который стремится сбросить свой классовый характер и смешаться с бесклассовым обществом. Если классовая власть и государство представлены властью организованной группы, со своим кодексом, угнетающей нижестоящие группы, они не полагаются на прямую насильственную мощь пролетариата.

Термины 'доминирование', 'диктатура' и 'государство' настолько же неприемлемы, как и выражение 'захват власти' не подходит для захвата фабриками рабочими.

Мы не приемлем, как неточные и неверные, такие выражения, как 'диктатура пролетариата', 'захват политической власти', 'рабочее государство', 'социалистическое государство' и 'пролетарское государство'.

Нам остаётся проанализировать, каким мы видим решение проблем борьбы, поставленных Революцией и её защитой.

Прямая власть рабочих

Отвергая идею государства, подразумевающую существование и власть эксплуататорского класса, как такового, и отрицая идею диктатуры, означающую механические взаимоотношения между лидерами и их подчинёнными, мы осознаём потребность в координации прямых революционных действиях. (Средства производства и обмена должны быть захвачены вместе с административными центрами, революция должна быть защищена от контрреволюционных групп, от нерешительных, а также от отсталых эксплуатируемых социальных групп (например, определённых крестьянских групп)).

То же самое касается осуществления власти, но здесь это правление большинства, пролетариата в движении, вооружённого народа, эффективно организованного для защиты и нападения, установления универсальной бдительности. Опыт российской революции, махновщины, Испании 1936 г. свидетельствуют. И мы полностью согласны с мнением Камилло Бернери, который писал в гущу испанской революции, отвергая большевистскую идею государства:

'Анархисты признают прямую власть пролетариата, но инструмент этой власти они видят в сумме моделей коммунистической организации – в корпоративных органах и коммунальных учреждениях, региональных и национальных – построенных свободно, вне и против политической монополии партий и стремящихся свести к минимуму организационную централизацию.'

Также идее государства, в котором власть принадлежит особой группе, изолированной от масс, мы противопоставляем идею прямой власти рабочих, при которой выборные делегаты, подотчётные и подконтрольные (которых можно отозвать в любой момент и которые оплачиваются по так же как и остальные трудящиеся), заменят иерархическую, обособленную и привилегированную бюрократию; при которой милиции, контролируемые такими административными органами, как советы, профсоюзы и коммуны, без специальных

привилегий для военных техников, реализуют идею вооружённого, заменят армию, отрезанную от остального общества и подчинённую власти государства или правительства; при которой народные собрания будут решать споры, возникающие в связи с выполнением соглашений и обязательств вместо судов.

Защита революции

В том, что касается защиты революции, мы должны хорошо понимать, что наша концепция революции – международное явление, уничтожающее основу для контратаки со стороны буржуазии. Когда у международной Организации капитализма не останется больше никаких возможностей для выживания, когда она достигнет своей конечной критической точки, у нас будут оптимальные условия для успешной международной революции. В этом случае проблема её защиты возникнет только как проблема полного исчезновения буржуазии. Полностью отрезанная от всей экономической и политической власти, она больше не будет существовать как класс. По её искоренению, различные элементы буржуазии будут находиться под контролем вооружённых органов пролетариата, а затем поглощаться обществом движущимся к наивысшей степени однородности. И эта последняя работа должна осуществляться напрямую, без помощи какого-либо специального бюрократического органа.

Проблема преступности в революционный период может быть связана с защитой революции. С отменой буржуазного закона, судебной и тюремной систем классового общества мы не должны забывать о существовании асоциальных людей (пусть их и мало по сравнению с ужасающим количеством заключённых в буржуазном обществе, которые появляются в основном из-за условий, в которых они живут – социальная несправедливость, нищета и эксплуатация) и о проблеме тех буржуа, которые никак не смогут приспособиться. Органы прямой народной власти, о которых мы говорили ранее должны будут оградить общество от них.

Нельзя под предлогом свободы позволять бежать убийце, опасному маньяку или диверсанту, чтобы они снова совершали те же преступления. Но их обезвреживание посредством народных служб безопасности не будет иметь ничего общего с деградирующей тюремной системой классового общества. С лишённым свободы человеком будут обращаться скорее медицинскими методами, чем судебными до тех пор пока они не смогут спокойно вернуться в общество.

Однако, Революция не обязательно произойдёт повсюду одновременно и, возможно революции, будут следовать одна за другой, распространяясь за рубеж и производя одну мировую революцию, если революционная инфекция будет распространяться, если по крайней мере международный пролетариат будет бороться за защиту и победу революционеров, с самого начала ограниченных в своих возможностях.

Внешняя защита революции также необходима, как и внутренняя, но она должна быть основана на вооружении населения, организованного в милиции и, следует подчеркнуть, при поддержке международного пролетариата с возможностью распространения революции. Революция гибнет, если ограничивает себя и под предлогом самозащиты

восстанавливает государство и классовое общество.

Но наилучшая защита революции заложена в утверждении революционного характера, потому что это быстро создаёт условия, при которых попытки восстановления буржуазии становятся невозможными. Полное подтверждение революционной территорией своего социалистического характера фактически является наилучшим оружием, т.к. создаёт энергию и энтузиазм дома и пример и солидарность за границей. Возможно одной из самых фатальных ошибок Испанской революции было то, что придавая мало значения своим достижениям, она полностью посвятила себя военным задачам своей защиты.

Революционная власть и свобода

Революционная борьба сама по себе и последующая консолидация преобразований, созданные революцией поднимают вопрос о свободе политических тенденций к сохранению или реставрации эксплуатации. Это один из аспектов прямой власти масс и защиты революции.

Это не просто вопрос свободы (которую ещё только предстоит завоевать) которую принесёт Революция: преодоление эксплуатации и отчуждения, правление и активное участие всех в социальной жизни, истинная демократия. Это не просто вопрос права всех течений в бесклассовом (т.е. безгосударственном) обществе выдвигать свои решения и выражать свои различные мнения. Всё это подразумевается само собой.

Когда дело касается групп или организаций более или менее открыто противостоящих рабочему контролю и осуществлению власти массовыми организациями, это совсем другое дело. Эта проблема настолько же, если не больше, касается бюрократических псевдо-социалистических групп, как и потерпевших поражение буржуазных групп.

Следует проводить различие. В первую очередь, во время насильственной стадии борьбы, эти структуры и тенденции, которые защищают или стремятся реставрировать эксплуататорское общество нужно будет подавить силой. Врагу нельзя будет позволить искусно реорганизоваться, деморализовывать или шпионить. Это было бы отрицанием борьбы, по сути поражением. Махно и испанские либертарики столкнулись с этими проблемами и разрешили их подавляя пропаганду врага. В случаях, когда выражение реакционных идеологий не может иметь влияния на исход революции, как например, когда её завоевания закреплены, эти идеологии можно будет выражать, если они ещё кому-то интересны или сохраняют свою силу. Они будут не более, чем курьёзом и преданность народа революции будет противоядием против них. Если они выражаются только на идеологическом уровне, с ними можно будет бороться только на этом уровне, а не запретами. Полная свобода выражения в мыслящем, сознательном населении может быть только творческим вкладом в культуру.

Остаётся пояснить, что ответственность за вынесение решений по этому вопросу, как и по всем другим, лежит на народных организациях и вооружённом пролетариате.

В этом смысле та свобода, ради которой будет совершена Революция, будет сохранена и защищена.

Соответствующие роли специальной анархистской организации и масс

Идея революции, которую мы только что развили включает в себя определённое количество исторических условий: с одной стороны острый кризис старого общества и с другой существование сознательного массового движения и активного хорошо организованного и хорошо ориентированного меньшинства.

Эволюция самого общества развивает сознательность и способности пролетариата, организацию его передовых слоёв и прогресс самой организации. Но революционная организация реагирует на народ, как на целое и стремится развивать в нём способности к самоуправлению.

Мы видели, в том, что касается отношений между революционной организацией и массами, что в пред-революционный период специальная Организация может предложить только цели и средства и пропагандировать их идеологической борьбой и силой примера.

То же касается и революционного периода – иначе возникает опасность вырождения в бюрократию, преобразования анархистской Организации в специализированный орган, в политическую силу, отдельную от народа, в Государство.

Политический авангард, активное меньшинство, конечно, может во время Революции взять на себя особые задания (такие как ликвидация врага), но в общем оно может быть только сознательностью пролетариата. И в конце концов оно должно будет раствориться в обществе, постепенно поскольку с одной стороны его роль будет завершена консолидацией бесклассового общества и его эволюцией от низшей к высшей стадии коммунизма, и с другой народ приобретёт необходимую сознательность.

Развитие способности народа к самоуправлению и революционной бдительности – вот что должно стать задачей специальной Организации после Революции. Судьба Революции в большой степени зависит от отношения Специальной Организации к своей собственной роли. Успех Революции отнюдь не неизбежен: народ может сдаться; Организация революционного меньшинства может пренебречь своей бдительностью и создать все основы для реставрации буржуазии или бюрократической диктатуры – она может даже сама стать бюрократической властью. Скрывать эту опасность или отказываться предпринимать организованные действия для их предотвращения ни к чему не ведёт.

Мы должны вести борьбу с очень ясной головой и в соответствии с нашей ясностью и бдительностью анархистская Организация сможет выполнить свою историческую миссию.

Мораль Либертарного Коммунизма

Когда революционная анархистская теория поставит перед собой цели и определит роль авангардной организации по отношению к массам, она вырабатывает определённые правила поведения. Поэтому мы должны уточнить, что мы имеем в виду под словом 'мораль'.

Мы отрицаем мораль

Мораль всех обществ отражает в определённой мере образ жизни и уровень развития этих обществ, и в результате она выражает очень строгие правила, которые не допускают никаких отклонений от них (нарушения, желание изменить эти правила считаются преступлением). Т.о. мораль (которая выражает определённую потребность в структуризации социальной жизни) ведёт к инерции.

Она не просто выражает собой практическую потребность в посредничестве, т.к. может войти в противоречия с обновляющимися экзистенциальными условиями. Более того, она отмечена религиозным, теологическим и метафизическим характером и считает свои правила сверхъестественным императивом – действия, соответствующие этим правилам или нарушающие их наделяются мистической природой добродетели или греха. Смирение, которое на деле должно быть признанием своих пределов перед лицом фактов становится первой добродетелью и поощряет даже поиск страданий, становясь само по себе высшей добродетелью. С этой точки зрения христианство – одна из самых ненавистных моралей. Мораль это не просто кодекс моральных предписаний, но глубоко укоренена в людях в форме 'моральной совести'. Эта моральная совесть приобретает и сохраняется как результат религиозного чувства, которым насыщена мораль, и сама по себе отмечена религиозным, сверхъестественным характером. Поэтому она чужда простому переводу потребностей социальной жизни в сознание человека.

Наконец, самое важное, даже когда мораль не выражает открыто разделение общества на классы или на касты, привилегированные группы используют её, чтобы оправдать и гарантировать свою власть. Как законы и религии (религия, закон и мораль это просто разные выражения одной и той же социальной реальности) мораль оправдывает существующие условия и отношения доминирования и эксплуатации.

Поскольку мораль является выражением отчуждения людей в эксплуататорском обществе, так же как идеологии, законы, религии и т.д.... характерными чертами которых являются инерция, мистификация, обречённое смирение и оправдание классовых привилегий понятно почему анархисты потратили так много усилий на их обличение.

Есть ли у нас мораль?

Часто говорят о том, что мораль может эволюционировать или модифицироваться, что одна мораль может заменять другую даже в обществах основанных на эксплуатации. Существуют слабые различия, адаптации или вариации, связанные с жизненными условиями, но любая мораль защищена одними и теми же ценностями – например, подчинением и уважением к собственности. Правда и то, что с этими вариациями боролись, что их пропагандистов (вроде Сократа или Христа) часто преследовали, и то, что мораль так

или иначе ведёт к инерции.

В любом случае, порабощённые никогда не могли представить свои ценности в этой морали.

Здесь важно понять, могут ли порабощённые – в т.ч. революционеры, выражающие свои желания – иметь свои собственные ценности, свою собственную мораль.

Если мы не хотим принимать мораль того общества, в котором живём, если мы отрицаем эту мораль, потому что она признаёт и поддерживает социальную систему, основанную на порабощении и эксплуатации и потому что она насыщена абстракциями и метафизическими идеалами, тогда на чём мы можем основать нашу мораль? Для этого явного противоречия существует решение: мысль и социальная наука позволяют нам увидеть тот процесс, который позволил бы человечеству всемерно процветать, и этот процесс не является ничем иным как общими чаяниями угнетённых, выраженных подлинным социализмом, либертарным коммунизмом. Наша революционная цель является нашим идеалом, нашим императивом. Конечно и на этом идеале и императиве может быть возведена мораль, но этот идеал рождён в реальности, а не на религиозном откровении или метафизике. Это нечто вроде коммунизма, но гуманизма, основанного на революционном преобразовании общества, а не сентиментального гуманизма ни на чём не основанного и маскирующего реальность социальной борьбы.

Наша мораль

Каковы моральные ценности, демонстрирующие идеал пролетариата?

Мораль, выраженная правилами и предписаниями?

Ясно, что нельзя больше действовать против или судить мораль, которую мы отрицаем, оперируя идеями 'добра' и зла, если только не хотим увязнуть в бесполезных словесных играх, в то время как движущей силой для наших действий являются 'эгоизм или 'альтруизм'.

Но между этими действиями, которые обычно подогреваются чувствами и аффектами (материнскими, любовными, сочувственными, спасением ближнего из опасности) и теми, которые зависят от контрактов, писанных или неписанных соглашениях (и т.о. от закона), существует целая гамма, зависящая от моральных концепций и от моральной сознательности.

Где в контрактных обязательствах гарантия искреннего уважения? Каково должно быть отношение человека к своим врагам? Какое оружие считать запрещённым? Есть только одна мораль способная вести за собой, определять пределы, предотвращать постоянные ссоры и разногласия.

Только в революционной практике и жизни сознательного пролетариата мы найдём такие ценности как солидарность, храбрость, чувство ответственности, ясность мысли, упорство, федерализм или подлинную демократию организаций рабочего класса и анархистов, которая претворяет в жизнь заодно дисциплину и дух инициативы, уважение к

революционной демократии – т.е. возможность сосуществования всех течений, искренне стремящихся к созданию коммунистического общества, возможность предлагать свои идеи, критиковать и т.о. совершенствовать революционную теорию и практику.

Революционный фундамент, который мы взяли как императив отделяет нас от какой бы то ни было морали по отношению к врагу, к буржуазии, которая ради самозащиты будет пытаться навязать революционерам моральные запреты. Ясно, что здесь только цели могут диктовать наше поведение. Это означает, что когда цели будут признаны и научно изложены, средства будут делом тактики и впоследствии могут рассматриваться только как средства, если они находятся в соответствии с целями, с искомыми целями. Это не означает любые старые средства и вопрос не стоит об оправдании средств. Мы должны отбросить двусмысленную формулу 'цель оправдывает средства' и говорить проще - 'средства только существуют, выбираются, ради целей, с которыми они связаны, и говорить мы не должны оправдываться за них перед врагом используя термины вражеской морали.'

Однако по контрасту, эти средства неизбежно составляют структуру нашей морали, т.к. находятся в соответствии с нашим идеалом – с идеалом либертарного коммунизма, означающим Революцию, которая в свою очередь означает, что массы должны стать сознательными благодаря работе анархистской Организации. Этими средствами должны стать солидарность, храбрость и чувство ответственности, которые ранее мы называли добродетелями нашей морали.

Мы должны задержаться на одном важном моменте, на том аспекте нашей морали, который люди могут придать значению солидарности, но который на деле является стержнем нашей морали: на правде. Насколько для нас нормально обманывать своего врага, буржуазию, которая сама использует против нас все виды лжи, настолько мы обязаны говорить правду не только среди своих товарищей, но и обращаясь к массам.

Как мы ещё можем действовать когда больше всего необходимо повышать их сознательность, а следовательно их понимание и суждение? Тем, кто пытался вести себя иначе, удалось лишь унижить и разочаровать народ, заставить их разувериться в правде, анализе и критике.

Нет ничего пролетарского – или революционного в критике имморалиста. Это стиль декадентских элементов буржуазии, которая объявляет официальную мораль пустой, но неспособны найти здоровую мораль в существующей среде.

Имморалисты внешне свободны во всех своих движениях. Но они больше не знают куда идут и когда они обманывают других, они обманывают себя.

Недостаточно иметь цель, нужны способы её достижения.

Развитие морали в сознательных массах и тем более в либертарном коммунистическом движении – усиливает структуру революционной идеологии и вносит важный вклад в подготовку основ для новой культуры, в то же время полностью отвергая культуру буржуазии.

Версия #2

Зверобой создал 25 июля 2025 05:05:07

Зверобой обновил 25 июля 2025 05:14:40